

симось экономического и политического положения граждан от его политических решений налицо.

Но еще в этом господстве сливаются древний и религиозный (православный) смыслы – господь (хозяин дома или территории с населением) и Господь (Бог православных). Учитывая всемерное поддержание православно-патриотического тренда в официальной государственной идеологии в современной России, сохранение и оживление этих архаических смыслов не вызывает удивления. Концепт государства в российской культуре и общественном мнении представлен гораздо сильнее, чем концепт личности. Однако это особое государство – не состояние (статус) развитого общества, а собственность государя и его приближенных. Все почти как в Московском царстве: государство – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя; это владычество, господство, собственность государя.

1.4. Исторические типы политико-правовой связи индивида и государства в России

Одним из способов исследования проблемы действительного статуса личности и реального содержания института гражданства в современной России является поиск исторических оснований становления политико-правовой связи индивида и государства в России. Для решения этой проблемы в каждый конкретно-исторический период необходимо проанализировать следующие аспекты положения индивида: экономический (характер имеющей к нему отношение собственности), политический (характер отношений верховной власти с каждым из социальных разрядов населения), социальный (место индивида в социальной структуре общества), правовой (характер системы права по отношению к личности), духовный (место и роль личности в культуре, уровень правосознания и политической культуры индивида). Эти аспекты составляют комплексный критерий, на основе которого можно оценить реальный характер связи личности и государства.

Наша гипотеза состоит в следующем. Исторический процесс изменения статуса индивида (личности) в России – это генезис и консервация подданства в контексте становления российской государственности. С эпохи Московского царства в отношениях российского государства и отдельного лица действует один и тот же способ взаимодействия власти и личности, своего рода архетип власти и подданства. Общий процесс предстает как формирование и внешняя

трансформация подданства посредством консервации основ этого типа отношений господства/подчинения.

В анализе характера правовой связи личности и государства мы будем опираться на периодизацию формирования сословий, данную В. О. Ключевским [Ключевский 1989: 250-252]. Каждый из четырех выделенных им периодов характеризуется собственным основанием сословного деления общества, исходящим от власти. Между различными основаниями существует историческая преемственность. Политико-правовой статус зависел от сословной принадлежности индивида.

Киевская Русь

В эпоху Киевской Руси общество IX – конца XII вв. делилось на две разграниченные и неравные части. Основанием деления первоначально служило завоевание или давление вооруженного класса (торгово-оборонительного вооруженного класса вокруг киевского князя, варяжского и туземного происхождения), подчинившего себе население торговых городов и округов. Политическому завоеванию населения предшествовало экономическое господство вооруженного класса, стянувшего в свои руки все нити хозяйственного и торгового оборота. Отсюда и экономически привилегированное положение завоевателей-рабовладельцев (*огнищан* IX–X вв.). По мере роста вооруженного класса и расширения его службы по управлению завоеванными племенами происходило его политическое и экономическое обособление от управляемого общества как властителей от данников. Ко времени Ярослава выборные (туземные) военные управители торговых городов теряют право участия в думе киевского князя (позднее боярском совете) и исчезают из городской администрации, постепенно замещаясь «княжими боярами по княжему назначению». Развитие рабовладельческого характера хозяйства военно-правительственного класса привело к возникновению русского частного землевладения, развивающегося на основе применения холопского труда. Последнее вызывало дальнейшее экономическое обособление служилого класса от высшего городского купечества.

С XI в. русское общество стало союзом управителей и управляемых. Выявляется двойное – политико-экономическое – основание происхождения государственности Киевского княжества и социального деления общества. Русское гражданское общество по «Русской правде» распадалось на три основных класса: *княжих мужей, людей и холопов*, каждый из которых впоследствии дробился еще на два разряда (всего шесть). Политический статус каждого класса определялся законом («Русской правдой») по характеру отношения к князю, то есть к верховной власти. *Княжи мужи*

несли личную службу князю. Их отношение к князю было свободным личным политическим отношением. К княжим мужам причислялись только высшие военно-правительственные сановники. *Люди* (свободное податное простонародье) платили князю дань. Они взаимодействовали с князем целыми *мирами*, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой в уплате податей и мирской (коллективной) ответственностью за полицейский порядок. Политический статус лица из состава людей определялся коллективным подчинением городского или сельского общества князю. Состояние холопства по закону – это несвободное состояние особого класса в составе русского общества, отличающегося от других состояний отсутствием непосредственного отношения к государственной власти (князю) и политических обязанностей и прав (статуса). Связь холопа с государством была косвенной, он служил частным лицам (господам), часть из которых служила князю, часть нет. Правовой статус холопа лишил его значения лица, приближая его к статусу вещи.

В дальнейшем вследствие различий в экономическом положении внутри тех же классов образовались новые разряды: в составе класса *княжих мужей* выделяются *бояре* – крупные привилегированные рабовладельцы и землевладельцы; в городах выделяется класс *свободных тяглых горожан*; класс *людей* дробится на два разряда – *смердов* и *закупов*; в составе *холопства* возникает разряд высших холопов – *боярских тиунов* (приказчиков). Экономические различия были связаны и с юридическим неравенством данных разрядов, выраженным в различии гражданских прав. По юридическому статусу или неравенству прав в порядке их уменьшения русское общество к XII в. выстраивается следующим образом: *бояре*, *свободные тяглые горожане*, *смерды* (свободные государственные крестьяне), *закупы* (полусвободные владельческие крестьяне), *боярские тиуны* (привилегированные холопы), *холопы рядовые*. Статус лица в Киевском княжестве вырос не только на политическом основании – отношении лица к верховной власти князей, то есть государству (по сути, протогосударственности), но и на основе экономических и юридических различий.

Параллельно государственному обществу в Киевской Руси существовало церковное общество, правящим классом здесь выступало духовенство, имевшее свои органы управления и своих подвластных. Основанием устройства церковного общества и положения индивида в нем было «нравственно-религиозное назначение или степень нужды в чужой помощи» [Ключевский 1989: 270]. Церковь, проводя в жизнь общества заимствованные из Византии церковное каноническое право и императорские законы, внесла перемены в русское рабовладельческое право: обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию; обязательный даровой

отпуск холопов на волю в некоторых случаях; установление принудительного для рабовладельцев выкупа холопом своей свободы. Следствием этого было изменение личного и имущественного положения холопов. В русское холопство были внесены различия и условность: развивалась ограниченная зависимость в двух переходных формах – *закупов* и привилегированных *холопов*. К XIII в. появились некоторые виды условной зависимости холопов. Это положило начало разложению сословия русского холопства. Росло юридическое значение статуса *холопа*, укреплялось имущественное положение привилегированных холопов: их имущество стало считаться условной, ограниченной собственностью, передаваемой по наследству. Влияние церкви на русское общество проявилось в двух отношениях: 1) в усложнении устройства общества, создании церковного общества, имеющего вертикальное строение; 2) в расшатывании состояния холопства как основания государственного общества путем ограничения пределов холопства и внесения в законы и жизнь норм, содержащих возможности выхода из холопства в свободные состояния.

Характер верховной власти (господства) в Киевской Руси отличался следующими чертами. В XII в. русской землей владел целый княжеский род. Политическое значение князей как членов рода определялось их кровной принадлежностью к роду. Верховная власть была собирательной. Отсюда специфика связи управляемого общества с верховной властью: это отношения обязательного подчинения по закону, отношения политического подданства, выступающие в различных формах в зависимости от категории населения.

Выделим основные типы подчинения лиц верховной власти в соответствии с шестью разрядами населения. *Княжи мужи и бояре* были политическими подданными целого княжеского рода, но лично служили лишь одному из князей как представителю верховной власти. Первый тип подданства – это форма личного подчинения *княжих мужей и бояр* совокупной верховной власти. Взаимодействие *княжего мужа* с верховной властью опосредовано его личной службой рядовому князю как представителю рода. Вследствие этого *княжий муж* получает возможность не только исполнять государственные обязанности, но и обладать определенными правами, в первую очередь правом свободного выбора личной службы. Личная служба здесь становится государственной обязанностью. Связь *княжего мужа* (или боярина) и государства (княжеского рода) носит двусторонний характер. За свою службу он (как частное лицо, по праву силы и личных отношений с князем) имеет ряд привилегий – экономических (частная собственность на землю и рабов) и

социально-политических (принадлежность к высшему классу, участие в княжеском совете).

Второй тип отношений – коллективное подчинение князю *смердов* целыми городскими или сельскими общинами. Здесь нет непосредственного политического отношения отдельного лица к князю. Основу юридического статуса смерда составляет личная свобода. Его экономический статус определяется обладанием инвентарем и иной движимой собственностью, а также правом аренды казенной земли. Отношение к верховной власти здесь – это коллективная государственная обязанность платить дань (подать) и исполнять иные повинности. Верховная власть (государство) рассредоточена по князьям. На одной стороне отношения – коллективное господство (власть княжеского рода), на другой – отсутствие личного характера подчинения к собирательному государству. Взаимодействие лица с государством опосредовано дважды: *миром* (сельским или городским обществом) и рядовым князем как представителем рода. Государство через *мир* односторонне наделяет лицо государственными обязанностями.

У остальных разрядов населения государственное подданство отсутствует вообще. Третий тип подчинения – отношение *закупов* к верховной власти. У *закупов* отсутствует непосредственная связь с верховной властью, государственное подданство опосредовано личным подданством частным владельцам земли. Четвертый тип подчинения касается разряда *боярских тиунов*, несущих личную службу господам (княжам мужам, боярам, князю). Основу юридического статуса *боярских тиунов* составляет отсутствие личной свободы. Они лично принадлежат частным лицам, подобно собственности, но с некоторыми льготами. Разряд холопов не имеет никакого статуса, кроме статуса вещи, а позднее статуса лица в религиозно-нравственном смысле.

Удельный период XIII–XV вв.

Особенностью удельного периода является ослабление государственного единства и господство частнопроводных начал во всех сферах жизни. Это переходный период в русской истории, схема которого выглядит так: родовая организация общества – распад княжеского рода и борьба уделов за материальное преобладание – зарождение и развитие государства. Общественные отношения этого периода определялись условиями северо-восточной окраины Русской земли и колонизации ее населением днепровских областей. Общество удельного времени делилось на три класса: *людей служилых* (личная служба князю), *тяглых* (дань и повинности князю целым миром) и *холопов* (личная служба частным ли-

цам). Изменение характера верховной власти внесло специфику в состав общества и положение каждого из разрядов. Носителями верховной власти стали удельные князья как отдельные самостоятельные владельцы. Произошло уменьшение политического значения верховной власти: в границах своего удела князь был не политическим правителем, а частным владельцем. Княжество удельного князя представляло собой не государство, а хозяйство. Верховные права князя включали законодательство, суд, управление. Но эти политические права князя вытекали из гражданских сделок со свободным населением удела. Как *государь* удельный князь обладал лишь личной властью свободного человека над холопами.

С. Ф. Платонов характеризует политическую власть удельного периода как вотчинную или патримониальную. «Известное лицо (князь. – *И.Ф.*) считает своей собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе» [Платонов 2011: 162]. В северо-восточной Руси первым владельцем земли является князь. В лице князя происходит соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца (в волостях как административных округах) и прав частного собственника (в селах). Удел – личное наследственное владение князя, территория, управляемая им либо всецело на основании частного права (по оценке Б. Н. Чичерина), либо на основании начал и государственного, и частного права (по оценке А. Д. Градовского). Оба вида владения передаются князьями по завещаниям, без юридически оформленного осознания различий между ними. Это проявление господства частнопровых начал во всех сферах удельного быта. Право публичное скрывается всецело в недрах частного права, подчинено ему, не развито.

Власть – частное дело князя. Удел фактически есть вотчина с чертами государственного владения или государственное владение с вотчинным управлением и бытом. Верховные (политические) права князя понимались им как важные статьи дохода, которые он иногда уступал другим лицам в виде льготы. Удельный князь – это «вотчинник с правами государя, государь с привычками вотчинника». Лишь с середины XIII в. осуществляется постепенный переход княжеских отношений в государственные. Князь строит новые города, где нет независимой от него земской аристократии (крупных землевладельцев, носителей вечевого начала, как в Киевской Руси) и подчиняет себе старые города. На принципе вотчинности власти строятся все общественные отношения удельного времени. Это тождество собственности и политической власти по мере распада родового наследования (в порядке наследования великокняжеского престола) и укрепления семейно-вотчинного владения постепенно становится основой организации общества. Эта тенденция сохраняется во время татарского

завоевания. Следствия этого – изменения взаимоотношений: а) между князьями, б) князей и населения.

Такая перемена в характере верховной власти привела к исчезновению политического подданства и замене его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сделке [Ключевский 1989: 280]. Основанием политического порядка удельных княжеств и деления общества стали гражданский договор и личное подданство. Высший класс общества составляли *служилые люди*, распадавшиеся на *бояр и вольных слуг*, или *дворян*. Служебное значение *бояр и слуг вольных* определялось тем, что они были орудиями княжеского управления и составляли его боевую силу. Принадлежность к классу личных землевладельцев лежала в основе их экономического статуса. Служебные и имущественные, поземельные, отношения не зависели друг от друга. Служебные обязанности носили личный характер и основывались на праве вольной службы бояр и вольных слуг. *Вольные слуги* могли служить в одном княжестве, а владеть землями в другом. Экономический статус *слуги* как землевладельца порождал его повинности в пользу князя, в уделе которого находилась его вотчина. Имущественные повинности падали на его поземельную собственность. *Вольный слуга* нес личную воинскую службу в пользу определенного князя. Его служебные повинности падали на него как служебное лицо. Отношения *бояр и вольных слуг* с князем основывались на взаимном договоре, оговаривающем условия либо службы, либо владения землей. Условия договоров включали конкретную степень (право) служебной власти вольных слуг в их вотчинах, меру их свободы (льгот) от поземельных даней и повинностей и т. п.

Политический статус *бояр* был обусловлен услугами князю: 1) участием в княжеской думе; 2) обязанностью занимать высшие должности по военному и гражданскому управлению, (центральному и областному), состоять в руководящих органах удельного управления и суда. Выполнение обязанностей вознаграждалось выгодами от кормления. *Управитель-кормленщик* сам собирал доход с управляемого им общества, делясь с князем в оговоренных договором пропорциях. *Слуги вольные* несли рядовую ратную службу князю, получая *довод* – доход от должности по низшему управлению. И бояре, и слуги вольные имели право выбора рода и места службы. Другим способом вознаграждения за службу бояр и вольных слуг было землевладение. Землю они приобретали на праве собственности посредством купли или путем пожалования от князя.

Городские и сельские *тяглые люди* носят название людей *черных* или *земских*. Свободные люди юридически не считались собственностью удельного князя. Их подчинение было личным. С удельным князем они были связаны временными обязательствами, вытекающими из договора с

ним. Отношения *черных людей* с князем строились на тех же основаниях, что и отношения *вольных слуг*. Отличие состояло в том, что договор был опосредованным. *Черные люди* обладали правом перехода из удела в удел.

По социально-экономическому положению переходным между *служилыми и черными людьми* был класс *слуг «под дворским»*, или *дворцовых слуг*. По юридическому статусу лично свободных людей, за исполнение хозяйственных обязанностей они получали от князя участки земли (*дачи*) в условную собственность на время службы. Они обладали правом перехода на службу к другому князю. Прекращение их службы местному князю вело к ликвидации условной собственности. В отсутствии права на частную собственность – отличие класса дворцовых слуг от бояр и вольных слуг. Их экономический статус был следствием хозяйственных обязанностей, налагаемых на них по личному назначению князя.

Закупы (позже – *закладни, кабальные холопы*) составляли переходный класс между свободными черными людьми и холопами. Это вольные люди, принятые князьями или боярами на дворовую службу и получившие ссуду на определенных условиях. У них было право покинуть службу по своей воле, возвратив ссуду. Их служба была условной. Отношения к князю или боярам основывались на частной сделке. *Закуп* – человек, отданный за долг в работу до уплаты. Свобода человека выступала в качестве личного обеспечения выплаты долга. Это полусвободное, временное состояние зависимости. У *закупа* была своя собственность, он работал и на себя, и на хозяина. Однако это состояние было чревато и полным холопством. Власть лица над *закупом* имела личный характер. Статус *закупа* – личное подчинение по частному праву. Связь *закупа* и господина была двусторонняя, подразумевала обязанности *закупа* перед господином, некоторые ограничения хозяина в правах, даже права *закупа*. Однако перевес прав при юридической неопределенности состояния *закупа* и господстве обычного права был на стороне господина как более сильного.

Холопство – состояние, источником которого могли быть плен, женьтиба на рабе, заем, наем, преступление, добровольная продажа себя в рабство, купля и рождение в холопском состоянии. Холоп считался частной собственностью хозяина, его движимым имуществом, он – абсолютный объект частного права, не обладающий никакими правами. Единственная личная ответственность холопа за обиду им свободного человека – ответственность своей жизнью. Полные холопы принадлежали частным лицам, что фиксировалось *крепостью* («грамотой дерноватой»). Связь холопа с удельным князем – это личное подданство, основанное на частной сделке. По юридическому статусу холопы – это лично не свободные люди.

По экономическому состоянию холопы делились на различные хозяйственные разряды.

В удельный период российской истории XII–XIV вв., а частично и вплоть до времени правления Ивана IV, существовало два основных типа отношений между индивидом и властью. Первый тип составляла личная власть (господство) свободного лица над холопом (рабом), который находился в полной личной собственности любого свободного лица. Фактически это отношения господства и абсолютного личного подчинения, где на одной стороне абсолютная субъектность, произвол лица, а на другой – абсолютная зависимость, отсутствие право- и всякой иной субъектности. Второй тип отношений предполагал временное подчинение одного свободного лица другому по личному гражданскому договору. Такие отношения складывались между князьями как частными лицами, а также между великим князем и боярами, вольными слугами и остальным свободным населением. Они определялись временным соглашением, на основе свободной воли каждой из сторон, относительно взаимных обязательств. Общественные отношения удельного времени, вращающиеся исключительно в семейной, имущественной, наследственной и договорной сфере, включая и отношения господства и подчинения, это отношения частных лиц, регулируемые частным правом. «Верховная власть, и земля делятся и дробятся по наследству как частное имущество; отношения верховной власти к подчиненным определяются либо частными обязательствами, либо личной зависимостью...» [Чичерин 1858: 236]. Б. Н. Чичерин характеризует гражданское общество удельного времени как «совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом» [Чичерин 1900: 257]. Отношения свободных лиц друг к другу в целом были отношениями личной независимости и определялись договорами, следовательно, не носили характера государственных отношений. Именно из второго типа отношений вырастают государственные отношения, но их форма была образована на основе первого типа отношений.

*Московское государство
XIV–XVII вв.*

В эпоху Московского государства XIV–XVII вв. формируются и развиваются отношения государственного подданства. Это третий этап эволюции отношений индивида (общества) и верховной власти. При изменении содержания отношений между лицом и властью, форма их (подданство) была взята государством из частного права. Подданство имело характер холопства, равной личной зависимости населения государю, начиная от служебного подчинения бывших удельных князей, ставших сначала служебными князьями, а затем

холопами великого князя (царя). Эта форма подданства была распространена и на низшие разряды населения. Политическая власть фактически носила характер частной собственности государя. Великий князь стал господином, подданные – холопами, отношения между ними носили характер постоянного полного подчинения. Само подданство было персонифицировано, из него вытекало неограниченное право князя распоряжаться лицом и имуществом подданных. В этом заключается специфика российского способа формирования и осуществления государственности, который стал инвариантной характеристикой, сохраняющейся до сих пор.

Деление общества строилось на политических основаниях, ядром которых был особый характер верховной власти. Пространство и содержание власти московского государя стало определяться государственными требованиями, политической необходимостью. Объединение Северо-восточной Руси превратило московского государя во властителя великорусской народности, блюстителя национальных интересов. Зависимость подданных от государя приобрела безусловный, постоянный политический характер. Отменялось право свободного передвижения. Выселение лиц за пределы государства было приравнено к политическому преступлению и национально-религиозной измене. Новый тип верховной власти соединил в себе признаки двух предшествующих типов – московский государь стал и наследственным владельцем государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. Идея национального единства легла в основание действительной политической власти московского государя, он стал ее единоличным носителем. Принятие государем титула «царя и великого князя всея Руси» означало сложение следующих значений: 1) царь (от лат. *цесарь*) – независимый самостоятельный государь, никому не платящий дани и не дающий ни в чем отчета; 2) самодержец (автократор) – единоличный обладатель верховной власти с территориальным и политическим значением. Однако в понятии *государя* московского периода сохранилось значение понятия *государь* удельного времени. Отсюда *государство* (или *господарство*, слово, образованное от *господарь* – хозяин, владелец холопов) – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя, личное господство, собственность государя.

Изменения характера верховной власти привели, во-первых, к превращению вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя; во-вторых, к исчезновению личного гражданского подданства [Ключевский 1989: 307]. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в государственное подданство. По Московскому государственному праву личные крепостные холопы государя,

слившись с его свободными подданными, передали последним свое юридическое звание «государевых холопов». Новому политическому отношению государя и населения был присвоен привычный термин частного права. Это звание означало превращение бояр и вольных слуг из временных вольных наемников государя в его вечнообязанных подданных. Отношения разных классов общества к государю стали строиться на основе публичного права. Связь между государем и свободным лицом трансформировалась в политическое, принудительное, одностороннее подчинение второго первому, или в абсолютную власть государя над населением.

Политический порядок в Московском государстве был основан на государственной разверстке между всеми классами обязанностей, не соединенных с правами. Исполнение государственных обязанностей сопровождалось выплатой экономических пособий для их несения, это были политические последствия обязанностей. Сложить с себя обязанности было невозможно даже в случае отказа от соответствующих выгод. Охрана внешней безопасности территории как основа политического объединения московского государства оказывала решающее влияние на характер государственного права. Оно делало акцент на принудительном участии классов в сохранении этой основы, то есть на их обязанностях, а не правах. Разверстка государственных обязанностей составляла ядро российского законодательства и публичного права в целом. Последовательное проведение этого принципа вызвало необходимость прикрепления каждого разряда людей к конкретному виду обязанностей: *служилых людей* – к службе, *податного населения* – к земле (мирской общине или частному владельцу) или промыслу (посадской общине). В соответствии с теорией Б.Н. Чичерина, так было осуществлено закрепощение всех сословий [Чичерин 1858: 385]. Безусловная обязательность государственных повинностей и значение экономического состояния людей лишь в качестве средства исполнения первых создало такой порядок, при котором род государственных повинностей стал определяться экономическим положением того или иного класса. Между экономическим и политическим статусом различных разрядов людей установилась неразрывная связь, почти тождество.

Все управление в Московском государстве распадалось на две сферы: военно-административную, приказную, и земскую. Приказная сфера включала дела внешней обороны, орудиями ее остались служилые люди, назначаемые по непосредственному приказу государя. Земское управление занималось делами внутренней безопасности и казенного хозяйства, оно служило экономическим источником для содержания первой сферы. Органами управления земской службы стали выборные

власти земских обществ, действующие под контролем центральных приказных учреждений. Соответственно целям и устройству государственного управления были разверстаны обязанности между классами общества. Разверстка обязанностей стала основанием сословного деления Московского государства. Каждый класс отличался от другого класса по двум признакам: политическому – специальным повинностям, и экономическому – имущественному состоянию. Социальная иерархия выглядела как лестница чинов, состоявшая из трех отделов: служилых людей, тяглых людей и не тяглых.

Государственные обязанности высшего слоя – *служилых людей «по отечеству»*, состоявшие из ратной и приказной службы, были раздроблены на специальные функции. Различные сочетания породы, земельной собственности и службы и создали эту лестницу чинов: 1) *чинов думных* (бояр, думных дворян и пр.), 2) *чинов служилых московских*, 3) *служилых городских чинов*. Первые и вторые были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве, третьи – к месту службы в городах. К XVI в. была распространена на всех служилых людей и законодательно оформлена поместная система, основанная на вознаграждении служилого человека участком казенной земли, данной ему во временное или пожизненное владение под условием службы. Размер участка был пропорционален служебной должности. Владение землей становилось условным, зависящим от рода государственных повинностей. Такое владение невозможно назвать частной собственностью. Чин и связанные с ним функции управления стали основой и политического отношения к верховной власти, и социально-экономического статуса служилого человека, и степени его географической удаленности от московского государя.

Следствиями разверстки «службы по земле и земли по службе» (Б. Чичерин) стали: периодические наборы государем в столичное дворянство служилых людей из уездов, разрушение прежних местных обществ служилых вотчинников и перетасовка земельных владений в соответствии с установленной законом 1556 г. нормой поземельной службы. Государственная разверстка обязанностей вторгалась в частное землевладение и перекраивала его на свой лад, мешая оседлости и наследственности частной собственности на землю, разрушая и общественные отношения, регулирующие частным правом, и само частное право.

Государственные обязанности *тяглового населения* составляли: 1) земская казенная служба; 2) государственное податное тягло. Деление казенной службы по функциям (раскладка повинностей) осуществлялось

по экономической состоятельности. Выборная казенная служба по личному доверию была источником высших чинов тяглой иерархии – чинов *посадских московских*, или *гостей*. Подобно высшим служилым чинам, они были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве. (Невозможно не вспомнить о советской «прописке» и современном институте регистрации, понятны их исторические истоки). Основанием чиновного деления областного тяглого населения – провинциального черного населения – служило государственное податное тягло, то есть совокупность прямых казенных платежей и натуральных повинностей.

Различия в способах налогообложения по роду занятий – «*по пашне*» либо «*по промыслам*» – постепенно привели и к экономическим различиям между городским и сельским населением. Ответственность за сбор городского тягла возлагалась на городские посадские общества, а за сбор поземельной подати – на мирские сельские общества, и те и другие были связаны круговой порукой. Интересы исправного исполнения тягла сельским и городским населением вызвали уже в XVI веке необходимость прикрепления тяглых людей к тяглу и его месту. Разверстка тягла «по пашне либо по промыслу» стала основанием деления городских посадских людей на статьи «*лучших, средних и молодых*», а уездных тяглых хлебопашцев – на *крестьян и бобылей*. Низшие чины областного посадского и сельского населения различались по тяглу. Устройство тяглого населения было «интендантством под руководством высшего московского купечества» [Ключевский 1989: 353], источником извлечения материальных средств для обеспечения государства как вооруженного лагеря.

Дальнейшее дробление тяглого населения было вызвано политическим принципом обязательности и наследственности специальных государственных повинностей, составлявшим скелет государственного права. Этот принцип государственного права внес коренные изменения в сферу гражданских отношений, в обязательства, вытекавшие из частных гражданских сделок: личные обязательства по гражданским сделкам стали не прекращаемыми до истечения срока, на который они заключены. Тем самым исчезли остатки свободы частных лиц в гражданских обязательствах, которые фактически превратились в крепостные обязанности. Так произошло окончательное подавление частного права публичным. Следствием данного процесса стало изменение юридического состояния холопства как явления сферы гражданского права. Все более утверждалась мысль, что личная и условная служба за долг (*долговое закладничество*) делает *слугу* холопом. Состояние личной зависимости, не являющееся до XVI в. крепостным состоянием, в XVII в. постепенно превратилось в хо-

лопство в трех новых формах – *кабального, докладного и жилого холопства*. Отношения, основанные на временных обязательствах, исчезли и превратились в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене в обязательственном праве заключается скрытый источник крепостного права на крестьян.

Исчезновение свободы договора среди свободных людей повлияло и на исчезновение свободы прекращения долговой зависимости уплатой налога среди полусвободных людей. Таким образом, разные виды личной зависимости крестьянина приобрели обязательный – крепостной характер. Так служилые классы были вознаграждены за вечную обязанность службы и тягла перед государством. Изменилось и положение владельческих крестьян: начала кабального холопства привились к их поземельным отношениям и создали новый вид крепостного состояния – *крепостных крестьян*. Всеобщая перепись тяглых городских и сельских людей, предпринятая правительством в 1646 г., превратила обязательство крестьянина по договору с господином в крепость по писцовой записи. Крепостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, была превращена в вечную и потомственную.

Государственное право, основанное на разверстке государственных повинностей, с середины XVI в. проникает в низшие классы и дробит их на следующие разряды: *крепостное тяглое состояние* (крепостное крестьянство) или *владельческие крестьяне, государственные (черные) крестьяне, дворцовые и экономические (церковные) крестьяне*. Юридический статус крепостного крестьянина был основан на его вечных обязательствах перед частным владельцем или на крепостном праве владельцев на крестьян, закрепленном государственным законодательством. Обязанности крестьянина складывались из двух частей: 1) поземельное тягло в пользу казны; 2) труд на частного владельца. Личная зависимость крестьянина от господина, сменившая казенные службы, стала главной государственной повинностью крепостного крестьянина перед государством. Произошло соединение в состоянии крепостного крестьянина двух прежних состояний – тяглового крестьянства, не бывшего крепостным, и крепостных холопов, не бывших тяглыми.

Таким образом, можно выделить типы подданства в Московском государстве. Первый тип – подданство *служилых людей* как личная обязанность (служба) государю. Второй тип – подданство как коллективная обязанность нести тягло – для *тяглых* («данных») людей. Третий – подданство как государственная обязанность перед частным владельцем – тип подданства крепостных крестьян.

Период Петербургской империи – это четвертый этап в истории русских сословий и в истории типов связи индивида и государства. Для исторической характеристики данного периода безусловный научный интерес представляет фундаментальный труд Б. Н. Миронова, в котором осуществлен критический синтез объективной социальной и институциональной истории предреволюционного российского общества. Он написан на основе структуралистской интерпретации имперского периода истории России. Историческое становление гражданского общества и правового государства в России в данной работе показано с позиций концепции модернизации и догоняющего развития. Несмотря на создаваемую автором оптимистическую картину социального развития России в сторону индивидуализма и других признаков модернизации, Б. Миронов не утверждает, что в России в период империи и даже советское время процессы развития индивидуалистической личности, демократической семьи, частной собственности, гражданского общества и правового государства были завершены. Он писал, что Россия после принятия конституции и созыва Государственной думы стала правовым государством де-юре, но не де-факто [Миронов 2003: 176-177]. Таким образом, позиция Б. Н. Миронова не так уж далека от нашей точки зрения. Одной из заслуг данного автора является рассмотрение эволюции городских общин, что дает хороший материал для исследования типов связи между индивидом и государством и проблемы исторического становления российского гражданина [Миронов 2003: 495-509]. Однако его исследование сосредоточено не на данной проблеме. Поэтому мы в своей работе будем опираться на концепции Б. Н. Чичерина и В. О. Ключевского.

Абсолютный характер верховной власти в имперский период связан с концентрацией в руках царя всей законодательной, исполнительной и судебной власти, а также централизацией управления. Экономической основой абсолютизма была собственность царской династии на землю и монополия казны на торговлю и промышленность. Эта основа сложилась еще в Московском – вотчинном государстве, где царь был единственным собственником государства, политической власти, земли (территории) и населения.

Основанием общественного деления в этот период служило различие политических и гражданских прав, распределенных между сословиями по их политическому значению. Сословное право В. О. Ключевский определяет как совокупность политических, юридических и экономических преимуществ, предоставляемых государственным правом (законом) целому

классу в постоянное обладание и дающих средства для обеспечения его интересов, а не только целей государства [Ключевский 1989: 367]. Статус лиц каждого сословия, следовательно, выросал на основе наличия или отсутствия у него сословных прав, то есть принадлежности к сословию.

Процесс законодательного формирования сословных прав начинается с середины XVII в., с Уложения 1649 г., и достигает определенного завершения к концу XVIII в. в сословных жалованных грамотах (1785 г.). Сословные права в Московском государстве развивались двояким путем: законодательным и путем накапливания материальных выгод от исполнения должностных обязанностей (*чинов*). Первый путь выступал в качестве средства удержания классов в рамках их государственных обязанностей. Государственные повинности постепенно переносились с хозяйственного состояния на само лицо, владевшее им. Податное тягло освобождало от ратной службы, а ратная служба – от податного тягла. Это нашло выражение, с одной стороны, в поместной системе, с другой – в изменении статуса вотчин, в вотчинном землевладении. В последнем произошло ограничение права отчуждения и права завещания родовых наследственных вотчин (Судебник 1550 г. и законы 1557 г., 1562 и 1572 гг.) с целью предупреждения перехода вотчин в не служилые руки и перевода их в пользу казны.

Слова закона 1572 г.: «чтобы службе убытка не было и земля бы из службы не выходила» служат воплощением стремления государства утвердить для высших классов зависимость обладания собственностью от рода государственной службы. Государством предпринимались законодательные меры для ограничения выхода из всех служилых и тяглых сословий, то есть для консервации и замыкания сословий. У каждого общественного слоя была своя чиновная карьера, свой ряд доступных ему чинов. Все служилые и тяглые чины были сосредоточены в три замкнутые (с невозможностью выхода из них) группы – *служилую, посадскую и крестьянскую*, на которые по правам с середины XVII в. стало распадаться гражданское общество в московском государстве.

Второй путь формирования сословий – это превращение хозяйственных состояний и рода занятий из экономических средств отбывания государственных повинностей в исключительные юридические преимущества отдельных классов, то есть в сословные права, права на определенный политический и экономический статус. Обособление трех сословий по правам произошло посредством принудительной сословной приписки, осуществленной Земским собором 1648–1649 гг.. Уложение 1649 г. закрепило сословные права следующим образом: 1. служилым людям и земским, несущим *казенную службу по выборам*, присвоено исключительное право

личного землевладения; 2. *посадским людям* – право торговать и промышленя в городе; 3. сельскому населению (*тяглому крестьянству и бобылям*) – право земледельческого труда.

Уложение резко отделило *черных и дворцовых* (крестьян и бобылей) людей от *крепостных владельческих крестьян* посредством прикрепления первых к сельским обществам (и земле), вторых – к землевладельцам. Постепенно уничтожалось юридическое различие между крестьянами и бобылями, принадлежность к тому или иному состоянию определялась хозяйственным усмотрением сельского общества или землевладельца, то есть принудительной разверсткой тягла. Тем самым происходило их слияние в один класс, завершенное введением подушной подати при Петре I.

Другим источником сословных прав в Московском государстве XVII в. была *честь чинов* – юридический институт, выработанный древнерусским обычным правом. Землевладение *гостей* (высшего купечества) и земских старост и владение крепостными крестьянами получили характер сословных прав, не соединенных с обязанностями, стали наградой за службу, а не средством или условием службы. Законодательство также стало сословным, этот его характер виден в Жалованных сословных грамотах. По Жалованной грамоте (от 26 августа 1648 г.) *гостям и гостиной сотне* предоставили следующие преимущества: освобождение их дворов от тягла и постоя, освобождение их самих и их детей в поездках по торговым делам от подсудности местным областным управителям, право высшего купечества на суд исключительно Московского Казенного приказа.

Сословное деление общества косвенно влияло на разрушение чиновного склада русского общества. Это было связано с разрушением трех оснований лестницы чинов: приказной службы высшего служилого класса, земского управления, разверсткой государственных обязанностей не по классам, а по всему обществу. Изменения характера приказной службы привели к тому, что высшие чины теряли старое основание, переставали быть выражением породы, отечества и становились отличиями по личной заслуге. 12 января 1682 г. произошла отмена государем и думой местничества среди высших чинов, подтвержденная указом Петра (от 16 января 1721 г.) и Табелью о рангах чинов (от 24 января 1722 г.). Приобретение определенного служилого чина вводило определенного человека в состав высшего служилого класса (дворянства) независимо от происхождения. В Табели о рангах все должности были распределены на три параллельных ряда – воинских, статских и придворных должностей, каждый из которых был разделен на 14 рангов (классов). Тем самым учреждалось новое основание устройства высшего служилого класса, чиновные обязанности высшей приказной службы,

постепенно теряя связь с генеалогическим составом высшего служилого класса, превратились в простые должностные полномочия.

Преобразование земского управления при Петре I привело к изменению чиновного деления городского торгово-промышленного населения. Постепенно исчезал прежний строй земской службы по личному доверию, слагались обязанности управления с городских обывателей. Но земская служба по мирской поручке развивалась и дальше. По указам 1699 г. права городского самоуправления (право выбора бурмистра, имеющего право суда и сбора государственных налогов) были предоставлены торгово-промышленному населению столицы и других городов. Города обязывались платить за это удвоенные оклады казенных податей. Городские выборные управители стали представлять сословные интересы городских обществ.

Право самоуправления было распространено и на областное дворянство, которому предоставили возможность участия в местной администрации земского управления. Дворянство получило право участия в дворянских советах при уездных воеводах (впоследствии губернаторах) по выбору уездных дворянских обществ, а также право непосредственного участия в управлении губернией. Сословные права дворян были связаны с ограничением власти губернатора. Позже Указом 1718 г. дворянам было предоставлено право выбора земского комиссара для сбора подушной подати в уездах. Однако это право было еще и финансовой и полицейской обязанностью. Введена была отчетность земских комиссаров перед уездными дворянскими обществами и право последних подвергать комиссаров суду и наказанию в случае злоупотреблений. Земское самоуправление было восстановлено в городах и селах. Однако самоуправление являлось, скорее, самообложением податями и самосудом, то есть опять определялось финансовыми и полицейскими обязанностями перед государством, и осуществлялось сельскими обществами под контролем дворянского земского управления и центрального управления.

Дворянское и городское самоуправление было облечено полномочиями, меняющими значение центральных органов местного управления: областной коронный управитель сохранил только право надзора за городским выборным управлением, стал председателем коллегии выборных дворян-советников. Обязанности прежней земской службы по личному доверию и мирской поручке, распространившись из городов и на местные дворянские общества, при Петре I превратились в сословно-политические права.

Шел и процесс превращения специальных чиновных повинностей в общесословные. Военская повинность была распространена на *тяглых*

людей, на детей духовенства и холопов. Относительная «демократизация» общества, проявление равенства в обязанностях перед государством проросло именно в военной сфере, что характеризует преемственность истории российского государства как военного лагеря. Главное для государства – разверстка обязанностей (*тягла*) по классам общества в целях организации и обеспечения армии. Внутренняя организация общества полностью подчинена внешней обороне. Поэтому и общесословность (равенство) появляется впервые именно в организации армии. Это общность (общесословность) в ратной обязанности, равенство в обязанностях, а не правах. Специальные повинности ратной службы и податного тягла, распространяясь на большее количество классов, постепенно превращались во всеобщие государственные обязанности. Обобщение повинностей вело к разрушению чиновного склада русского общества, к смешению юридических статусов прежних социальных слоев.

Развитие сословных прав, не связанных с повинностями, вело к формированию новых оснований государственного и общественного порядка. Петр I, по сути, завершает разверстку государственных обязанностей, разрушая их специальный характер и распространяя их на ряд классов и даже на все общество. После него началось обратное движение. Возможно, это было исторической реакцией на крайне последовательное проведение государством принципа разверстки государственных обязанностей, результатом которого были поражения русской армии и экономическая неэффективность внутреннего управления.

Дворянство и городское торгово-промышленное население постепенно освобождалось от своих прежних обязанностей. Государство предоставляло им все большую свободу деятельности посредством сохранения старых и надления новыми частными и политическими правами (Жалованные грамоты 1785 г.). Впрочем, это было весьма ограниченное освобождение, носившее характер милости со стороны верховной власти. Тем не менее, дворянство, городское население и духовенство получили значение привилегированных состояний. Привилегии – это определенный шаг в сторону превращения подданства в гражданство как меру участия в управлении государством. Можно предположить, что в соответствии с политическими и гражданскими правами как сословной привилегией, дворянство потенциально было на пути обретения такого типа связи с государством, как гражданство внутри подданства. Но полноты политических прав дворянство так и не достигло: последние ограничивались их участием в различных совещательных органах при императоре на уровне центрального управления, на уровне местного управления политические права дворянства были достаточно

полны. Законодательство XIX века шло по пути распространения этих прав на другие сословия, уравнивания перед законом. Набирала силу тенденция, в соответствии с которой права граждан формировались сначала как привилегии, предоставляемые сословиям по публичному праву, и которые затем обретали значение действительных гражданских и политических прав. Эта тенденция была подобна европейскому движению от прав-привилегий отдельных сословий ко всеобщему гражданству, равенству граждан в правах. Но этой тенденции не суждено было окончательно утвердиться. Она была остановлена известными событиями конца XIX – начала XX века. В советский период произошел возврат к принципу разверстки государственного тягла между разрядами общества в Московском государстве. Тем самым и связь личности и государства была отброшена к типу подданства московского периода.

Отношения между лицом и властью и, соответственно, статус личности, в эпоху Петербургской империи изменяются следующим образом. Это очередной этап в рамках процесса исторического формирования отношений государства и лица (личности). Подданство, ставшее в эпоху Московского царства реальным по содержанию в отношении всех разрядов населения (с этим связан и процесс закрепощения сословий), при Петре I обретает, наконец, и свою правовую форму. Завершается правовое оформление государственного подданства на публично-правовых основаниях. Однако позитивный характер данного процесса неотделим от негативного – лишения личности прав частного лица, правосубъектности по частному праву, в первую очередь, прав частного собственника на землю, как основания экономической самостоятельности и всех иных прав и свобод. Лишь при Екатерине II дворяне обретают права частных собственников. Все иные права и, в частности, избирательные права дворян вплоть до начала XX века оставались привилегией, даруемой императором.

Развитие публичного права в России осуществлялось за счет и посредством подавления частного права. Эта тенденция, берущая начало с образования Московского государства, утвердившаяся при Иване Грозном и ярко выявившаяся при Петре I, составляет одну из существенных особенностей российской государственности и истории изменения реального статуса личности в России.

При Петре I холопство заменяется подданством и по форме, и по содержанию. Подданство становится государственной зависимостью, подчинением государству. Так завершается имевший место в истории России переход от крайней свободы личности к крайней несвободе. Согласно Б. Н. Чичерину, процесс образования русского государства шел сначала вслед развитию личности, а потом – в ущерб ее гражданскому становлению:

Крайнее развитие личного начала повело к водворению начала совершенно противоположного – начала государственного» [Чичерин 1858: 336]. Происходит подчинение частных волей общественной воле, сконцентрированной в самодержце, подчинение гражданского общества государству.

Итак, можно выделить исторические типы отношения личности и верховной власти в России, имеющие политический и правовой аспекты. **Эпоха Киевской Руси** представлена типом подчинения населения (политическим протоподданством) княжескому роду в целом. В *Удельный период* русской истории существовало два типа таких отношений: 1) гражданский (частноправовой) договор между всеми свободными лицами (князем и княжими мужами или боярами, и между ними и свободным населением); 2) личное подчинение (подданство) холопов частным лицам.

В эпоху **Московского государства (до середины XVII в.)** преобладал тип лично-государственного (частно-публичного) подданства: а) в служебных отношениях удельных князей («холопов государевых») и великого князя; б) в отношениях служилых людей и царя. Политическая власть представляла собой частную собственность великого князя. Подданный государства был лично подданным царя. **С середины XVII в.** утвердились следующие типы подчинения, имеющие характер вечной обязанности, или вечнообязанного подданства: 1) Политическое подданство как верноподданство монарху, как личная обязанность службы государю. Для служилых людей это была военная или приказная служба; 2) Политическое подданство как коллективная обязанность нести тягло – для «данных» (тяглых) людей: а) сельских миров (поземельные подати), б) посадских общин (городское тягло и земская служба); 3) тип подданства владельческих крестьян (крепостных) – это государственное подданство как личная зависимость крестьянина от господина, т.е. обязанность частному владельцу, обязанному государству. Здесь некая форма государственного подданства, опосредованного частной зависимостью. Содержание подданства – государственное, а форма – частная.

В эпоху **Петербургской империи** произошло окончательное становление всеобщего государственного подданства как обязанности государству и по форме, и по содержанию. Для этого времени характерна тенденция к равенству в подданстве (общесословности как равенству в обязанностях). Отношения государственной власти, с одной стороны, и дворянства, городского населения и духовенства – с другой, можно охарактеризовать как государственное (имперское) подданство.

Посмотрим на тип политико-правовой связи индивида и государства в СССР. Несмотря на то, что термин «подданство» был отменен декретами ВЦИК 1918 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и «О

приобретении прав российского гражданства», под номинальным гражданством фактически проступали черты подданства.

До 1936 г. государством широко применялась практика лишения избирательных прав некоторых категорий граждан. Конституция РСФСР (1918 г.) прямо перечисляла эти категории: лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы; монахи, духовные служители; работники бывшей полиции и жандармерии. В последующем, в Конституции 1925 г., в «Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (1929 г.), постановлениях СНК СССР (1929 г.) и ряде других документов, уточнялись и развивались признаки категорий граждан, подлежащих лишению избирательных прав [Социальный портрет... 1996: 97]. Данная массовая репрессивная мера применялась государством с целью нейтрализации даже потенциального возмущения или протеста наиболее активных и образованных слоев населения – зажиточных крестьян, интеллигенции, торговцев и т.д., на законодательной основе, с целью разобщения городского и сельского населения. «Лишенец» (а с ним и все зависимые от него члены семьи) фактически исключался из общества, ставился на грань жизни и смерти. Таким мерам подверглись миллионы.

Основу гражданства в то время составляло социальное происхождение человека, причем положение трудящихся как единственного слоя, имеющего право на гражданство, предполагало и политическую благонадежность. Тем самым в гражданстве того времени сливались воедино социальный, политический и правовой аспекты статуса личности. Права гражданства были тождественны избирательным, политическим правам. Лишение же избирательных прав («поражение в правах») влекло за собой разрыв всякой – политической, экономической, правовой и иной связи человека не только с государством, но и с другими людьми. Лишение избирательных прав помимо политического имело и гражданский (частноправовой) аспект, оно автоматически влекло за собой поражение и в имущественных правах, к чему добавлялось и «поражение» в правах социальных. В стремлении уравнивать людей «книзу», установить «равенство в нищете», государство расценивало статус гражданства, с которым было связано включение человека в иерархию привилегий, начиная с минимального уровня доступа к карточной системе, как привилегию, которой оно наделяло исключительно трудящихся.

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина не были основополагающими принципами ни советского законодательства, и в первую очередь конституционного, ни тем более основой государственной политики и системы правосудия. Значение естественных, неотъемле-

мых, неотчуждаемых прав отрицалось как нечто присущее человеку в гражданском (тождественном буржуазному) обществе, где процветает буржуазный индивидуализм (читай эгоизм). Признание естественных прав человека означало бы существенное ограничение ими государственной власти, что считалось принципиально недопустимым. Согласно советскому варианту марксизма права гражданина производны от государства, государство определяет статус гражданина, объем его прав и обязанностей.

Примеров нарушения прав человека и гражданина советским государством такое множество, что скорее проще выявить обратное, то есть исключительные случаи. Тем не менее рассмотрим практику советского государства под углом зрения некоторых из прав граждан. В годы сталинского террора по признакам национальной или иной принадлежности государство осуществляло политику геноцида народов, сопровождающуюся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, произвольным изменением национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселений. По прямому приказу И. Сталина была осуществлена депортация множества народов, проживающих на приграничных территориях Советского Союза – корейцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, курдов, турков-месхетинцев, крымских татар, иранцев, поляков, немцев, западных украинцев, молдаван, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев. Начало этому процессу было положено Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» (подписи секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина, и Председателя Совнаркома В. Молотова). И это лишь часть общих репрессий 1930-1950-х годов. Данные факты признаны на законодательном уровне в РФ в Законе РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов». Кстати, в нынешнем законодательстве сохраняются остатки дискриминации по национальному признаку в виде неотмененных подзаконных актов.

Трудовое законодательство советского времени регулировало сферу труда дифференцированно для разных категорий населения – рабочих, служащих, колхозников, членов кооперативов, что создавало условия и возможности дискриминации в оплате и условиях организации труда, а также ограничения в правах и установления преимуществ в зависимости от социального происхождения, социального и должностного положения, убеждений и ряда других признаков. Тем самым ни о каком праве на свободный труд в полном объеме не могло быть и речи.

Право на освобождение от военной службы по религиозным убеждениям и замена ее общепользуемой работой, со значительными ограниче-

ниями и скрупулезными процедурами рассмотрения, с 1919 по 1939 гг. частично реализовывались в законах и судебной практике советского времени. В 1939 г. Верховный Совет СССР не включил соответствующие положения в новый Закон о всеобщей воинской обязанности, породив тем самым дискриминацию прав тысяч граждан по религиозным убеждениям. Положение последних усугублялось неадекватными «преступлению» против данного закона мерами уголовной ответственности.

В законодательстве советского государства не был принят принцип неотъемлемости гражданства. Наоборот, гражданство связывалось с мерами наказания за противоправные действия. Государство регулярно использовало лишение гражданства, высылку за границу за пределы страны, выдачу гражданина другому государству в качестве основной или факультативной меры наказания. В УК РСФСР до 1958 г. действовала норма, предоставляющая государству право лишать гражданства по суду и выдворять людей за пределы СССР. Позже принимались закрытые указы, предусматривающие данную меру наказания. Президиум ВС СССР в 1967 г. принял указ «О выходе из гражданства лиц, переселяющихся из СССР в Израиль», по которому гражданин считался лишенным гражданства с момента выезда из СССР. По данным «Известий» (1991, 17 августа), с 1967 г. по 1991 г. по нему были лишены гражданства СССР 175 человек. Высылка гражданина за рубеж практиковалась в советский период и в отношении диссидентов (например, А. И. Солженицына в 1974 г.). Иногда высылка носила завуалированный характер: какому-либо лицу разрешали выехать за границу, а затем его лишали гражданства. В целях исключения возможности его возвращения, лишение гражданства предшествовало высылке данного лица.

В Законе «О гражданстве СССР» (1 декабря 1978 г.) впервые было дано определение гражданства как постоянной политико-правовой связи лица и государства, выраженной в их взаимных правах и обязанностях. Но фактически гражданство в СССР представляло собой политическую принадлежность лица государству, одностороннюю их связь при субъектности государства и объектности «гражданина», оцениваемую с точки зрения классового подхода. Инакомыслие, расхождение с официальной линией государства могло вызвать лишение гражданства, выдворение за пределы СССР. Правовой аспект гражданства вытеснялся политическим. Институт лишения гражданства, существовавший в СССР, подрывал основы правового статуса гражданина. До 1978 г. законодательство не определяло четких оснований лишения гражданства. В соответствии с Законом о гражданстве СССР 1978 г. эта мера применялась в исключительных случаях по решению Президиума Верховного Совета СССР по отношению к

лицам, совершившим действия, порочащие звание советского гражданина. В число последних попадали не только публично выражавшие свое мнение диссиденты, но и люди творческих профессий, чьи произведения выходили за узкие рамки официально допустимого.

Было бы наивным упрекать советское государство в пренебрежении к праву граждан на частную собственность или в нарушении принципа равенства форм собственности. Советское законодательство однозначно и категорично, в полном соответствии с идеологической доктриной, устанавливало преимущества в защите социалистической, и в особенности государственной, собственности.

Декларируемое советским законодательством равенство граждан ничуть не мешало государству в повседневной практике дифференцировать население по группам (так называемым классам) с неодинаковым социально-политическим и правовым статусом. Это давало возможность построения лестницы привилегий или иерархии степени частичности прав. Определенные категории населения вообще не допускались к этой иерархии – некоторые бывшие сословия просто исключались из политической, экономической и иных сфер жизни. Отрицалось тем самым само их право на существование. Равноправие не утвердилось в реальной жизни и с провозглашением «новой исторической общности – советского народа». Стала окостеневать система привилегированных, полупривилегированных и т.п. слоев и групп по разным каналам восхождения к власти, другим признакам (партийности, статусу в партии и т.д.). Установилась некая система неприкосновенности партийных функционеров для суда, уголовного и административного преследования. Согласие партийного комитета на привлечение «партийца» к суду было обязательным.

Фактически связь лица и государства строилась по одностороннему принципу: на одной стороне права, на другой обязанности, не было взаимной правовой связи, ответственности, характерной для реального функционирования института гражданства. Личность выступала в качестве объекта власти, который принимал участие в принятии государственных решений и управлении лишь номинально. Государство официальной пропагандой представлялось в качестве покровителя личности, дарящего права гражданам (реально – лишь некий прожиточный минимум, включающий «бесплатное» образование и здравоохранение). Тем самым политико-правовой статус личности как совокупность прав и обязанностей граждан был даром, благодеянием государства (номенклатуры). Это свидетельствует о характере связи лица и государства как о подданстве. Государство «по-отечески» заботилось о «подданных», требуя взамен безграничной преданности. Государственный патернализм и этатизм – наследство гос-

подства публичного права еще в дореволюционной России, получившее продолжение в советское время. Конституция социалистического государства представляет собой систему государственного права. Основой государственной идеологии стал позитивистский подход к праву. С его реализацией в советской правовой системе связано реальное наделение индивида статусом подданства, а не гражданства. Это нашло свое выражение в законодательном, и тем более реальном ограничении правосубъектности личности.

Государство было главным фактором, довлеющим над правовой наукой и практикой. Это и обусловило развитие государственного и правового нигилизма, который в свою очередь стимулировал распространение негативных форм поведения и внеправовой культуры, предрасположенность к силовым (репрессивным) методам разрешения конфликтов между государством и обществом, государством и отдельными лицами.

Советский период истории воплощает исторически присущую российскому государству тенденцию подавления публичным правом частного, но реализуется она в превращенных формах. Вечное и естественное противоречие между содержанием и формой, между практикой общественных отношений и правом скрывается за искажающим их нормальное соотношение фактором идеологизации общественных отношений и возникающим как следствие этого отрицанием права вообще. На самом деле право (правовая система) присутствует, но исключительно как публичное (политическое, государственное). Причем, основа данной системы права неправовая – насилие. В отношении же гражданства это «превращение» выглядит следующим образом: идеологизированная система государственного права (форма) замещает содержание общественных отношений. По публичному праву, номинально, каждый индивид в советском государстве является гражданином, провозглашены его «гражданские» обязанности и некоторые права. Но гражданских прав в значении прав частного лица (по частному праву) у индивида нет ни номинально, ни реально. Между тем без них невозможны никакие иные. Тем самым повисают в воздухе и его вроде бы законодательно оформленные политические и социальные права. Впрочем, некоторый минимум социально-экономических прав государством даруется в качестве льгот и привилегий, соответствующих рангу, занимаемому лицом в социальной иерархии. Но целью данного благодеяния является поддержание способности индивида нести обязанности перед государством. Все механизмы реализации советских законов (административная, судебная системы и пр.) нацелены на обеспечение исполнения «гражданином» своих «почетных» обязанностей; механизмов обеспечения прав

гражданина как человека и как частного лица просто нет. Таким образом, выявляется парадокс: «передовое» советское законодательство создает все условия для безоблачной жизни гражданина, а гражданин не может ни свободно передвигаться, ни свободно работать, ни свободно выбирать.

Так за номинальным (по юридической форме) гражданством скрыто реальное подданство, по мизерному объему прав и свобод гражданина обогнавшее подданство в Российской империи. В отношении статуса личности и объема ее политических и гражданских прав, несмотря на крупные изменения в законодательстве (принятие Конституции РФ, Гражданского кодекса, Закона о гражданстве), реальная практика нынешнего российского государства во многом унаследовала черты советской системы власти.

Литература

Аверинцев С.С. (1981). Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М.

Аг А. (1991). Гражданское общество // Политология вчера и сегодня. М. Вып. 3.

Алкер Х.Р. (1999). Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.

Алмонд Г. (1999). Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М.

Аристотель (2003). Политика // Платон. Аристотель. Политика. СПб.

Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.

Бляхер Л.Е. (2001). Моральная экономика и моральная политика // ПОЛИС. № 1.

Бродель Ф. (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М.

Виноградов В.В. (1999). История слов. М.

Владимирский-Буданов М.Ф. (1900). Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Киев; СПб.

Гончаров Д.В. (2002). По ту сторону «негражданственности» // ПОЛИС. № 5.

Горький А.М. (1953). Сочинения. В 30 т. Т. 23. М.

Гражданское общество (1999): Мировой опыт и проблемы России. М.

Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М.

Дарендорф Р. (1993). Мораль, институты и гражданское общество // Путь : Междунар. филос. журн. № 3.

- Доган М. (1999). Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М.
- Законы о состояниях (1895). М.
- Изгоев А.С. (1991). Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М.
- Ильин И.А. (1992). О тоталитарном режиме // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М. Т. 1.
- Ильин М.В. (1994). Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // ПОЛИС. № 1.
- Ильин М.В. (1997). Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.
- Ильин М.В. (1999). Политическое самоопределение России // Pro et Contra. Т. 4, № 3.
- Институциональная политология (2006) : Современный институционализм и политическая трансформация России. М.
- Кавелин К.Д. (1897а). Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб. Т. 1.
- Кавелин К.Д. (1897б). Собрание сочинений. СПб. Т. 2.
- Капустин Б.Г. (1998). Современность как предмет политической теории. М.
- Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.
- Кашников Б.Н. (2004). Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород.
- Кимберг А.Н. (2017). Личность: перспектива идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Кимлика У. (2010). Современная политическая философия: введение. М.
- Кистяковский Б. (1906). Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. Кн. 5.
- Кистяковский Б.А. (1990). В защиту права // Вехи. М.
- Ключевский В.О. (1989). Сочинения. В 9 т. Т. 6. М.
- Колесов В.В. (1986). Мир человека в слове Древней Руси. Л.
- Коэн Дж. Л., Арато Э. (2003). Гражданское общество и политическая теория. М.
- Лаппо-Данилевский А.С. (1912). Методология истории. Ч. 1. СПб.
- Лаппо-Данилевский А.С. (1994). Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // ПОЛИС. № 1.
- Леви-Строс К. (2000). Путь масок. М.
- Леви-Строс К. (2001). Структурная антропология. М.

- Ленин В.И. (1969). Полное собрание сочинений. Т. 34. М.
- Ленин В.И. (1973). Полное собрание сочинений. Т. 24. М.
- Леонтьев К.Н. (1991). Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.
- Максименко В. (1999). Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. Т. 4, № 1.
- Мартьянов В.С. (2017). Политическая нация // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Маршалл Т.Х. (2011). Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.
- Меркель В., Круассан А. (2002). Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // ПОЛИС. № 1.
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб.
- Парсонс Т. (1994). Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М.
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ. М.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. М.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. (1996). Культура как система. М.
- Перегудов С.П. (2017). Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Петражицкий Л.И. (1907). Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (1998). Правопреемство и русская власть. История и современность // Полития. № 1.
- Платонов С.Ф. (2011). Лекции по русской истории. СПб.
- Подвинцев О.Б. (2017). Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Полохало В. (1998). Политология посткоммунизма в Украине и России. (К методологии политического анализа) // ПОЛИС. № 3.
- Поппер К. (1993). Нищета историцизма. М.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса. М.
- Семененко И.С. (2017). Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Скоробагацкий В.В. (2002). Социокультурный анализ власти. Екатеринбург.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (1977). Вып. 4. М.
- Словарь русского языка XI–XVIII вв. (1991). Вып. 17. М.

- Советский энциклопедический словарь (1989). М.
- Соловьев В.С. (1991). Русская идея // Россия глазами русского. СПб.
- Сорокин П. (2000). Социальная и культурная динамика. СПб.
- Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) (1996). Сб. документов. Екатеринбург.
- Степанов Ю. (2001). Константы: словарь русской культуры. М.
- Струве П.Б. (1991). Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.
- Сысуев О. (2001). На месте гражданского общества зияет большая дыра // Известия. 20 апр.
- Токвиль А. (1994). Демократия в Америке. М.
- Урри Дж. (2012). Мобильности. М.
- Фасмер М. (1996). Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.
- Федотов Г.П. (1992). Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.
- Флоровский Г. (1990). Пути русского богословия. Вильнюс.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. (1988). Города-государства Древней Руси. Л.
- Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.
- Хайдеггер М. (1988). Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М.
- Хархордин О. (2011). Основные понятия российской политики. М.
- Холодковский К.Г. (2017). Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Хорос В. (1997). Гражданское общество как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России // Мировая экономика и международные отношения. № 5.
- Чичерин Б.Н. (1858). Опыты по истории русского права. М.
- Чичерин Б.Н. (1900). Философия права. СПб.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. (1994). Этимологический словарь русского языка. М.
- Шмиттер Ф. (1996). Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС. № 5.
- Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений. М.
- Щербинин А.И. (1994). Через полицеизм к тоталитаризму // ПОЛИС. № 1.
- Ясперс К. (1991). Смысл и назначение истории. М.